

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ПОЛЬШЕ.

I.

Последнее польское восстание вызвало к жизни и поставило на очередь новую, до тех пор не признанную сторону еврейского вопроса.

В то время как прежде казалось достаточным разрешить вопрос о гражданском положении евреев с точек зрения религиозной, экономической и социальной, в настоящее время настоятельно необходимо прийти к каким-нибудь положительным результатам относительно политического значения евреев на западной окраине. Пробудившееся в последние годы национальное чувство русского народа громко требует ответа на вопросы: чем были евреи, в отношении политическом, во владениях Речи Посполитой и как следует смотреть на них в настоящее время — как на врагов или друзей русского дела в западной России и бывшем Царстве Польском? Составляют ли евреи определенный государственный и сословный элемент или индифферентную массу, не принимающую никакого участия в политической жизни страны? Если евреи действительно имеют положительное политическое исповедание, то какое именно и в какой мере велика эта пресловутая еврейская сила, о которой протрубили на всю Россию органы известной партии крутой системы обрусения? Что было сделано из этой силы до сих пор и что можно сделать из нее в будущем? Эти и многие другие подобные вопросы, очевидно вытекающие из одного и того же основания, повторяем, должны быть непременно разрешены в том или другом смысле, прежде чем взяться за последовательную и обдуманную систему действий по отношению к западно-русским и привислянским евреям; ибо, с одной стороны, еврейский вопрос, и без того уже отложенный в долгий ящик, не может быть более отсрочен, а с другой, последовательность и постоянство есть необходимое условие успеха как общественной, так и государственной деятельности. Нет никакого сомнения, что благоприятный для гражданского равноправия евреев исход возможен только в том случае, если этому не воспрепятствуют правильно понятые политические соображения. Как бы мы ни были все убеждены, что религиозные и социально-экономические виды не только не мешают, но даже требуют уравнивания гражданского положения евреев с положением коренного населения, но если от этой эмансипации евреев могут пострадать хоть сколько-нибудь государственные интересы русского народа, то мы должны оставить всякую надежду на возможность эмансипации, по крайней мере впредь до радикального изменения как быта самих евреев, так и господствующих на счет этого в русском народе понятий. Поэтому, вопрос о полезности обрусения окраин есть «быть или не быть» их эмансипации и равноправности. Но

понятно, что при такой важности этого вопроса, имеющего первостепенное значение вообще для русского дела в западной России и привислянском крае, ответ на него может быть дан только после тщательного изучения его по источникам, представляемым историей и жизнью.

Для этого обратимся прежде всего к характеристике положения евреев в старой Польше, так как здесь мы найдем ключ к разгадке их настоящей судьбы в западном и привислянском крае. Польские историки и публицисты часто попрекают евреев тем, что они были приняты в их стране ласково и дружелюбно в то время, когда во всей Европе их преследовали самым жестоким образом, и что они не смотря на то, что пользовались здесь такими правами и преимуществами, как нигде, они однако ж не ополячились и не сделались полезными гражданами. Мотив этот переняли и некоторые русские жидоеды, которые не брезгают никакими аргументами для того, чтоб доконать жидов. А между тем этот упрек в высшей степени неоснователен. Правда, что евреям в царстве польском и великом княжестве литовском, начиная с XIV века, давались различные привилегии и вольности; правда и то, что в экономическом отношении положение евреев в польских и литовских землях было сноснее, чем в некоторых европейских странах; но медаль имеет и свою обратную сторону, значительно изменяющую первое впечатление. В самом деле, какой был характер этих еврейских привилегий, что имелось в виду при их установлении, как они исполнялись на деле и в каком отношении находились к правам других классов населения? На эти вопросы беспристрастная история дает очень поучительные ответы. «Евреи, говорится в статуте Казимира, должны иметь все средства к накоплению денег, чтоб в случае надобности могли уделять часть их на пользу государства»¹. Если б от всей польской истории нам ничего не осталось бы, кроме этого места, мы также легко могли бы воссоздать по нему картину еврейского быта в польских землях, как легко натуралист по одному зубу или кости допотопного животного конструирует весь его организм. Но мы имеем множество других более подробных данных, доказывающих, что в этих словах польского законодателя выражается не личное мнение или случайное соображение, а квинтэссенция польской политики относительно евреев за все время существования Речи Посполитой.

По свидетельству законодательных актов и всех польских историков (напр. Чацкого, Шайноха и др.) евреев привлекали и заманивали в свои владения из западной Европы литовские и русские князья и польские короли с целью поощрять городскую промышленность. Затем, когда евреи поселились уже в достаточном количестве, на них никогда не переставали смотреть как на необходимое зло, как на людей, которые в

¹ Приведено у Журавского, Статист. Опис. Киев. губ., т. I, стр. 369.

сущности не были людьми, т. е. гражданами страны, но из которых все-таки можно было извлечь некоторую пользу, и потому терпимых. Так напр. в постановлении коронационного сейма при Владиславе IV, от 1633 г., говорится, что по случаю вздорожания цен на все предметы, чины Великого Княжества Литовского ходатайствовали пред королем об облегчении евреям прав торговли и король обещал исполнить их желание ¹.

Евреям покровительствовали еще для того, чтоб образовать из них туземное городское сословие, как противовес начавшемуся с давних пор поселению и преобладанию в польских землях немецких купцов и ремесленников. Для этой цели евреев освобождали законодательными актами от влияния немецких городских магистратов и цехов, постоянно употреблявших всевозможные усилия, чтобы подчинить себе опасных конкурентов евреев; впрочем нередко эти усилия увенчивались успехом и тогда положение евреев под властью глубоко ненавидевшего его магистрата становилось самым безотрадным.

Где только встречалась нужда в поднятии разоренных пожарами и войнами городов, или где нужно было основать новый город, там евреи принимались с распростертыми объятиями и им даровалась полная свобода торговли. Так было сделано в 1676 г. относительно города Новые Сончи, а в 1677 г. для городов Хенцына, Хельма и Казимира. Но где только город начинал процветать и в нем образовалось более или менее сильное и многочисленное христианское городское сословие, как тотчас, по проискам этого последнего, начинались довольно существенные стеснения прав и оседлости евреев, причем предписывалось евреям не иначе селиться и торговать в городах, как на основании особого соглашения с городским управлением. Таковы напр. привилегии Каменца-Подольска от 1659 и 1670 гг., которыми воспрещалось евреям жить в этом городе сверх определенного привилегиями города срока.

Чтоб не испещрять нашей статьи без нужды ссылками на различных авторов — ограничимся еще некоторыми сведениями, заимствованными из одного из лучших и новейших сочинений по этому предмету — «Сборника сведений о польском мятеже 1863 г. в северо-западном крае» г. Ратча.

Евреи, говорит он, хотя и служили предметом для потехи и удали, в часы разгула, шляхетства, хотя, вопреки привилегиям и охранным листам, им приходилось терпеть больше других от грабежа и насилий расходившейся шляхетской фанаберии, но зато чем более их давило и унижало своеволие, тем назойливее они стремились к власти и господству. Евреи нашли покровителей в панах-землевладельцах и в латинском

¹ Volumina legum, III, 384.

духовенстве. Польская жизнь выработала таким образом тяжелый гнет над низшим населением тройственного союза пана, ксендза и еврея. Еврейство в лице кагала имело свое управление, свои законы, свой суд, свои наказания, даже до смертной казни (?). При кагале богатые и влиятельные покровительствовали бедным, но за то держали их под деспотической властью. Низший еврейский класс должен был выносить весь тяжкий гнет своего влиятельного класса и служить ему наипослушнейшим орудием. Кагал находил потворство и даже опору в местных властях, исполнителях правительственных распоряжений, и неограниченная власть его над членами еврейской общины признавалась официально.

Евреи старались оградить себя от притеснений шляхты и городских властей испрашиваемыми каждый раз у королей и сеймов новыми привилегиями и охранными листами. Шляхетство в свою очередь всегда добивалось новых прав, чтобы льготы мещанства не могли освободить его от угнетения шляхтой. Евреи тоже стесняли произвол польского дворянства, как постоянными искательствами у королей и магнатов защиты против мелких хищников, так еще более тем, что силе шляхетства они противопоставляли организованную силу плотно соединенного кагала. Евреи были ненавидимы; но и они, с своей стороны, под личиной угодливости, питали к высшему классу населения самое враждебное настроение духа. Вместе с тем полонизм, призвав еврея в исполнители своих насилий над крепостным русским населением, восстановил против него и простолюдина, так что в результате польской жизни получился самый глубокий разлад и непримиримая вражда между всеми классами и сословиями. Евреи утвердились до того, что усвоили себе все замашки шляхетского самоуправства и подобно им иногда производили насилия, на что указывается в летописях местной истории и архивах суда и администрации. Это было для них тем легче, что они стали неизбежными участниками панского хозяйства, причем пользовались для своих личных интересов распущенностью и ленью, которой предавалось сословие землевладельцев, более занятых подготовлениями партий для сеймов и сеймиков, чем своими делами ¹. До какой степени ложны уверения полякующих писателей, будто евреи в Речи Посполитой нашли такой приют, как нигде, видно напр. из того поразительного факта, что еще в 1629 году из 453 городов в Польше 208 не терпели у себя евреев. В деревнях же оседлость воспрещалась им постоянно, так что не проходило почти ни одного сейма без строжайшего повторения этого воспрещенья, хотя экономические нужды края оказывались, как и везде, сильнее искусственных стеснений и заставляли как евреев, так и остальное население, нарушать сплошь да рядом эти воспрещенья.

¹ Ратч, т. I, стр. 166—170, 175, 220, 241, 244.

Выводы из всех этих несомненных данных польской истории очень осязательны. Ясно как день, что Польше никогда и на мысль не приходило смотреть на евреев как на полноправных граждан. В них никогда не видели вообще людей, имеющих поэтому самому свои прирожденные, неотъемлемые человеческие права, и поэтому заслуживающих внимания государства, существующего для граждан, а не граждане для него. На евреев всегда смотрели как на орудие к достижению известных, для них совершенно посторонних целей, как на средство, а не цель государственной деятельности. Им давали права и вольности, где в них чувствовалась настоящая нужда и из их энергии и трудолюбия можно было извлечь какую-нибудь пользу для казны или шляхты. Где же только можно было обойтись без них, им самым ощутительным образом давали знать, что они презренные к ненавистные чужеземцы, от которых очень приятно отделаться. Но и права эти, то даваемые, то отнимаемые, смотря по надобности, даже тогда, когда они *de jure* существовали, очень часто превращались в мертвые клочки бумаги, благодаря необузданному произволу шляхетства и магнатории, не признававших над собой никакой законной власти. Еще менее, чем дворянство было расположено к евреям немецкое и польское городское сословие, которое кроме религиозного фанатизма и национального предубеждения имело еще более основательные экономические причины ненавидеть евреев, как опасных конкурентов по торговле и ремеслам.

Наконец и внутреннее самоуправление еврейских общин при польском владычестве, на которое часто указывают, как на существенное благодеяние, оказанное польским правительством евреям, на самом деле сделалось причиной неисчислимых бедствий для еврейской массы, так как при всеобщей анархии и безурядице и при отношении Польши к евреям, как к дойной корове, мнимое самоуправление превратилось в жестокую кабалу еврейских общин, предоставленных немногим мироедам, представителям этих общин перед казной, давшей им неограниченную власть над жидовским быдлом, лишь бы они исправно вносили подати и вообще исполняли свои обязанности перед ней. Вот почему совершенно справедливо говорит г. М. Р., исследованием которого мы отчасти пользовались ¹, в ответ на заданный им себе вопрос: чем была Польша для евреев? — следующее. «Когда в них нуждались, она была для них Палестиной, а когда думали, что сумеют обходиться без них, она обращалась для них в Египет. Пока поляк нуждался в евреях, он был для него другом, но лишь минула нужда, он превращался для него в Фараона».

Уж по этим данным можно наперед предрешишь категорически вопрос: какие политические убеждения, симпатии и антипатии вынесли евреи из своего участия в

¹ О западнорусских евреях (Приложение к Гакармелю, год VI; см. № 25).

судьбах польских владений. Но политический организм Речи Посполитой, вследствие внутренней своей несостоятельности, по непреложным историческим законам, распался и уступил место государственным формам более жизненным и состоятельным. Бывшие польские земли подпали власти соседних государств — Австрии, Пруссии и России. Вслед затем начинается и продолжается беспрерывно до сих пор так называемое великое будование, т. е. деятельная работа польской патриотической партии к восстановлению отчизны в прежнем виде. При такой оживленной политической жизни польских провинций трех упомянутых государств при таком неимоверном напряжении польского патриотизма, не оставившего без внимания ни одного, самого мелочного явления, которое может послужить на пользу или вред польской sprawy, многочисленное во всех этих провинциях еврейское население должно же было придерживаться какой-нибудь программы действий, заявить себя в том или другом смысле по волновавшему так глубоко все польские местности вопросу. С подавлением же этих восстаний заинтересованными правительствами, опыт, который может извлечь государство из соображения образа действий всех слоев населения в эпоху революционных брожений, может и должен служить для него лучшим руководителем во внутренней политике по отношению к реорганизации потрясенных местностей и водворению в них начал лучшей гражданственности и порядка. Поэтому, обсуждая вопрос о значении западнорусских и привислянских евреев для дела обрусения этих краев, я считаю лучшим для правильного уразумения этого предмета способом, после общих указаний о судьбе и роли евреев в независимой Польше, привести некоторые, не лишенные интереса данные, относительно политической жизни евреев в бывших польских владениях под владычеством Австрии, Пруссии и России, особенно в периоды польских восстаний. При этом сначала укажем на факты из истории принадлежащих Австрии и Пруссии польских провинций, в которых так называемый польский вопрос решен раньше и положительнее, чем у нас, и история которых имеет для нас, при сходстве обстоятельств, громадный интерес, как поучительный пример для подражания.

При своеволии шляхетства, говорит г. Ратч, так основательно разработавший польский вопрос по источникам, положение жидов в Галиции не было завидное, и разве одни крестьяне могли позавидовать им. По присоединении этой провинции и к Австрии, заботы австрийского правительства о пересоздании общественного строя страны, коснулись и евреев, которые не остались неблагодарными правительству, и на деле, в разнообразных видах, старались ему помогать. Во времена революционных движений они оказывали ему наиболее полезные услуги, постоянно доставляя ему известия и служа ему агентами. Ретивость евреев была так велика, что ее едва ли не более можно отнести к

преданности правительству и человеколюбивым австрийским чиновникам, чем к их корыстолюбию. Таковы были отношения евреев к австрийскому правительству всякий раз, когда они чувствовали, что сила на стороне правительственной власти и что от правительства они могут ожидать энергической поддержки своим интересам. Политика австрийского правительства в отношении польских провинций заключается существенно в том, чтобы привлечь на свою сторону влиятельные элементы населения. Но оно не всегда может оградить одни элементы от посягательства других, враждебных им слоев населения. Она не всегда может всей силой своей власти поддерживать ту разумную равноправность, по которой личный труд и способности вели бы каждого к упрочению своего благосостояния и не допускать привилегированных классов общества соединять свои силы с целью насильственного преобладания над другими, более слабыми сословиям.

И только вследствие этого-то бессилия австрийского правительства и неспособности его постоянно поддерживать равновесие общественных сил страны — польский вопрос вообще, и в частности отношения поляков к евреям подвергались некоторым, впрочем незначительным колебаниям. Так например в революционное время сороковых годов поляки приобрели немало сторонников и между евреями при помощи братанья и угроз. Угроза особенно дала толчок, замечает очевидец, сообщающий эти сведения. Впрочем масса еврейского населения Галиции держалась черно-желтого знамени (стороны Австрии). Последовавшие колебания государственной власти и уступки ее в пользу польской патриотической партии усилили влияние полонизма и на евреев. С 1848 г., когда польская партия получила преобладание в управлении Галицией, евреи опять стали помощниками панов в эксплуатации крестьян, и вообще замечается ополячение евреев. Иезуиты стали завлекать их в свои школы. «В наше время, говорит один немецкий писатель той эпохи, образованные жиды начали уже полонизироваться, а еще во время революции 40-х годов даже либералы между ними охотнее украшали себя черно-желтыми цветами, чем красно-белыми старой Польши». Но это было мимолетное увлечение немногих горячих голов, одурманенных польской лестью, и не имело прочного основания в еврейском мире. Это видно из того, что когда против польских симпатий выступил с горячей проповедью раввин Кон, и доказал евреям всю безрассудность их увлечений, то последние начали быстро охладевать. Впрочем Кон дорого заплатил за желание раскрыть глаза своим единоверцам насчет истинного их положения. Польская справа не могла равнодушно смотреть на его пропаганду и в 1852 г. он был отравлен с женой и двумя детьми.

В настоящее время «Галицийские евреи, как водится, все консерваторы, истые австрийцы». У них, разумеется, личные интересы на первом плане. В политику они почти не вмешиваются ¹.

В Пруссии мы замечаем явления аналогические, с тем отличием, что прусское правительство гораздо последовательнее и выдержаннее проводило свою политику по польскому вопросу, чем австрийское, и потому здесь встречаются гораздо менее колебаний в сторону польских тенденций и затей. Еврейские общества, говорит г. Ратч по немецким источникам, по своей слабости и беспомощности, всегда ищут опоры там, где сила и власть. Пруссаки тем охотнее оказывали требуемую поддержку евреям, что жаргон их, при таком обороте дел, быстро стал очищаться и заменяться чистым немецким языком, и что вообще евреи, прильнув к немцам, увеличили собою их ряды и тем облегчили им борьбу с враждебным полонизмом. В мятеже 1848 года поляки всячески старались завлечь евреев, искушая одних барышами и, действуя на других возбуждением их тщеславия; польская интеллигенция при этом не скупилась на льстивые слова, но когда разыгралась польская удаля, шляхта показала евреям, что еще не умерла Польша. Результатом этого было то, что во все время мятежа евреи сильно пострадали от насилий повстанцев и явно были на стороне пруссаков. Вследствие этого Пруссия стала еще снисходительнее к евреям, и после 1848 г. были отменены многие старинные законы, ограничивавшие права их гражданства. Правда, история польских волнений в Пруссии указывает и на нескольких личностей еврейского происхождения, принимавших горячее участие в происках поляков; таковы напр. Рехберг, Иогансон и др. Но зная чарующую силу польских козней, конечно, нельзя придавать этому обстоятельству никакого особенного значения, тем более, что между немцами, далеко превосходящими евреев в политическом развитии и сознании своей самостоятельности, поляки завербовали себе не менее, если не более партизанов. Очень замечательно еще то, что при прусском владычестве в Познани евреи существенно изменились не только в политическом, но и в экономическом отношении. Известный своей германизаторской деятельностью познанский наместник Флотвелль старался преимущественно о том, чтобы образовать в крае сильное немецкое городское сословие. Старания его увенчались успехом. Немцы-купцы и ремесленники заняли место евреев и поглотили их. Это было для них тем легче, что на их стороне была большая честность и аккуратность. Под влиянием таких изменившихся обстоятельств — познанские евреи, занимавшиеся прежде исключительно торговлей, обратились к более производительным занятиям, например ремеслам ².

¹ Письмо из Львова («Новое Время» 1868 г. № 242).

² Ратч, т. 2, стр. 160—162, 165, 808—811.

Таковы факты, объяснявшие роль евреев в польских восстаниях в Австрии и Пруссии. В следующий раз поговорим об участии евреев в польских волнениях в России и о выводах, которые можно сделать из всех этих данных.

II.

Обращаясь затем к деятельности евреев в эпоху революционных брожений в польских провинциях России, мы находим, что евреи и здесь заняли такое же место решительных друзей правительства и законного порядка. Правда, поляки, страдавшие в политическом отношении органическим недугом легковерия и неисправимого фантазерства, не мало изощряли свое воображение строением воздушных замков и насчет завлечения евреев в польскую справу. Так напр., в числе мер к подрыву благосостояния России, они рассчитывали на злоупотребления евреев-чиновников акцизного ведомства в великороссийских губерниях (Ратч, т. I, стр. 170). Они рассчитывали также, при помощи евреев, влиять на Ротшильда, и подвести мину под государственный кредит России на европейских биржах (там же, стр. 246). Но нелепость и несбыточность этих, как и многих других планов эмиграции видна с первого взгляда. На деле же участие евреев в мятеже, если и было в незначительных размерах, то проистекало из двух оснований. По большей части участие это было вынуждено насилиями повстанцев и страшными угрозами, нередко приводившимися в исполнение. Выше мы привели отзыв очевидца, что в Галиции угроза дала особенный толчок присоединению части еврейского населения к повстанцам. Тоже самое было в русской Польше. Так мы имеем известие, что с самого начала волнений 1861 года польские патриотки в Варшаве оделись в траур; мгновенно за ними последовали еврейки, а затем и русские барыни должны были надеть траур по убитым в уличных беспорядках (Ратч, I, 139). Читая это место, можно подумать, будто еврейское население Варшавы, действительно, по убеждению, было вполне солидарно с восстанием, но далее мы встречаем некоторое объяснение этих симпатий евреев к старой Польше. Дело в том, что гимназисты обрывали цветные платья, обливали их серной кислотой и чернилами. При таком оригинальном способе проявления патриотизма не удивительно, что все население с виду примкнуло к восстанию. Но была еще другая не менее могущественно действовавшая причина участия евреев в мятеже.

Масса еврейского населения, давно отученная от всякого производительного труда, к которому ее не допускали, привыкшая пробавляться крохами с панского стола и видеть главный источник своего пропитания в удовлетворении прихотям панов, естественно смотрела на восстание, как на прибыльную затею взбалмошной шляхты и не упускала случая нагревать руки в различных делах и проделках революционной агитации.

Так напр., сбыт Колокола в России был поручен поляками еврейскому книгопродавцу (Ратч, I, 127). Издания польской эмиграции были распространяемы, между прочим, и некоторыми еврейскими книгопродавцами (Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—63 г. Вильна, 1866 г., стр. 110). Вообще евреи, по указанию этого же сочинения, «всегда были усердными исполнителями всевозможных поручений польских заговорщиков, которые щедро платили» (там же, стр. 204). По словам г. Ратча, (т. 2, стр. 160—162) революционные затеи в Галиции дали евреям большие прибыли, но они помогали полякам только тогда, когда немедленно получали вознаграждение (там же, т. I, стр. 154). Такое корыстное отношение к политическим вопросам само по себе может заслужить только порицания; но строгость приговора над польскими евреями значительно смягчится, если принять в соображение страшное моральное и физическое давление всемогущей шляхты на жившее в его владениях крестьянское и жидовское быдло, гнетущую с давних пор евреев безвыходную бедность, отсутствие, по крайней мере в прежнее время, энергической поддержки со стороны правительства против притязаний и происков мятежного дворянства и привычку с давних пор жить на счет барских затей и барской неумелости. Можем ли мы, имея в виду все эти условия, винить евреев в том, что их отношения к польской справе не отличались особенной искренностью и благородством в большинстве случаев и что они из корыстных видов подчас помогали делу, которому нисколько не сочувствовали? Можем ли мы удивляться этому последнему обстоятельству, зная как низок уровень политической нравственности вообще во всех слоях населения бывшего царства польского? Приписывать же одним евреям такой барышнический эгоизм в социальных вопросах — мы не имеем права уж потому, что история польских восстаний указывает на многих членов панургова стада, содействовавших мятежу из личных видов, из русских и даже немцев, у которых так значительно развито чувство честности и национальное сознание (таков напр., прусский купец Адольф Гофман).

Алчность и страх перед панями не заглушили однако ж в евреях здравого смысла и чувства законности, и история периода времени от 1831—1863 года представляет нам длинный ряд фактов, доказывающих несомненным образом, что истинные симпатии евреев все время были на стороне законного правительства.

«От решительного участия в мятеже евреи отказывались; изредка проглядывает случайно офанатившаяся личность, искушенная мечтою о власти, тем сильнее действующая, что власть евреям менее доступна. Эмиграция хотела эмансипировать евреев, как она выражалась; попытка к ополячению евреев, к признанию их равными детьми одной матки-отчизны, была сделана в 1846 году и была неудачна. Евреи видимо поддавались, обещали многое после 1846 г. и работали смело, потому что крестьян не

боялись: когда дела пошли плохо, евреи отстали первые» (Польская эмиграция, стр. 204). В виду завязавшегося мятежа, говорит г. Ратч (т. I, стр. 200), евреи, не смотря на все польские заверения, в недоумении как разыграется дело, становились неподатливыми заимодавцами. Более подробные указания в этом роде мы имеем относительно восстания 1831 г. у Смита (История польского восстания и войны, 1830 и 31 гг.).

Все среднее сословие было, по его словам, против революционных затей шляхты (т. I, стр. 100), так что если б власть была в руках горожан, то кровь не была бы пролита и покорность была бы тотчас оказана (стр. 184).

В самом начале революционных движений в Варшаве были лишены жизни многие евреи, под предлогом шпионства у русских: этот угнетенный народ, замечает по этому поводу Смит, постоянно служил целью для преследования черни, которая ему мстила кровью за мелкие обманы в торговле (там же, стр. 168). Пан Круковецкий, по назначении его революционным сеймом губернатором Варшавы, ознаменовал свое шляхетское управление особенно жестоким преследованием евреев, и не проходило почти дня, в который несколько евреев, виновных и невинных, не были повешены как русские шпионы (там же, стр. 464). Из этих последних сведений, подтверждаемых и другими источниками, видно, что евреи особенно охотно служили агентами и шпионами для русского правительства, навлекая на себя этим жестокие гонения повстанцев. Мы думаем, что приписывать это обстоятельство одной алчности евреев нет возможности, потому что если б евреи принимали на себя опасную роль шпионов только по корыстному расчету, им было бы гораздо безопаснее и выгоднее быть шпионами у поляков, которые имели их более чем всякая другая нация в мире, благодаря сильному влиянию иезуитизма (там же, стр. 255, прим.). Если же евреи рисковали жизнью для того, чтобы служить русским интересам в борьбе с полонизмом, то конечно потому, что принимали эти интересы горячо к сердцу. И действительно, когда фельдмаршал Дибич появился во главе русских войск в пределах Польши, «евреи, немцы и среднее сословие (как донес ему князь Шаховский) встретили русских с радостью, как восстановителей порядка» (там же, стр. 383).

Затем, когда пламя мятежа разлилось и по Волыни и Подолии, то многочисленное тамошнее еврейское население, если и не было против инсургентов, то и не держало их сторону. Чуждые политических страстей, евреи верно предвидели чем окончится борьба и сверх того они не могли ощущать никакого влечения рисковать жизнью и имуществом за дело, которое если б и восторжествовало, то снова отдало бы их безграничному своеволию шляхетства (там же, т. 2, стр. 171). Евреи в северо-западном крае были более всех других притесняемы повстанцами, но они с покорностью и дрожа переносили все,

тогда как старообрядцы, далеко не столь многочисленные как евреи, оказывали такое сопротивление, что бунтовщикам скоро пришлось трепетать пред ними (там же, стр. 393). Такое пассивное отношение евреев к повстанию объясняется конечно, загнанностью их, отсутствием всякого сознания своей силы и непривычкой к военному делу и вообще тяжелому физическому труду.

До какой степени решительна была антипатия евреев к мятежу видно например из того, что в Варшаве поляки не решались на войну потому, что значительную часть населения составляли здесь немцы и евреи, на которых нельзя было рассчитывать (Смит, т. 3, стр. 454). Понятен поэтому тот горький упрек, который делает польским евреям знаменитый глава великого будования – князь Адам Чарторыйский, говоря в речи от 17 ноября 1844 г., что они в 1830 и 31 гг. «враждебно и вероломно противодействовали полякам, перейдя на ту сторону, где сила и золото» (Польская эмиграция, стр. 397). Правда, Чарторыйский говорит далее, будто евреи с тех пор «начинают сознавать свое заблуждение и свою вину. Преследуемые теми, кому они предались, они в своих воспоминаниях возвращаются к Польше, вспоминают то, что Польша им некогда доставляла. Их тоже, продолжает пророческим тоном оратор, унесет поток духа времени; они охотно для польской sprawy примкнут к другим жителям страны, при убеждении, что Польша им доставит более ограждений, более свободы и более выгоды для их благосостояния».

... После усмирения восстания 1831 года не только не сделано ничего для серьезного привлечения евреев на сторону русского дела на западной окраине, по крайней мере до настоящего царствования; но как общее состояние края за это время, так в частности юридический и экономический быт евреев сложился таким образом, чтобы усилить влияние польщизны на еврейское население. Тем не менее предсказание Чарторыйского, что евреи будут совершенно увлечены потоком революции, далеко не оправдалось на деле, и в восстании 1861—63 гг. евреи, по убеждениям и симпатиям, были также положительно на стороне русских, как и в мятеже 1831 г., хотя долговременное шляхетское управление и влияние не прошло бесследно и для евреев, особенно в привислянском крае. Так в 1861 г., как и в 1831, мятежные манифестации не могли свободно появляться в городах, потому что здесь большая часть населения состояла из евреев, на содействие которых поляки не могли рассчитывать (Ратч, I. 134). При отправлении в Белостоке панихиды по убитым в Варшаве при начале волнений, в костел были приглашены и евреи; но их явилось только 6 человек и те навлекли на себя этим поступком живейшее негодование своих единоверцев (Райковский, польская молодежь западного края в мятеже 1861—63 гг.; Русский Вестник 1869 г., кн. 3, 251). Даже учащаяся

еврейская молодежь, не смотря на общее увлечение молодого образованного поколения, даже из русских, и та была очень сдержана в отношении к повстанию. Это видно напр. из следующего факта, занесенного в хронику той эпохи. 7 июня 1861 г. ученики виленской гимназии послали одного из своих товарищей, еврея, к ученикам раввинского училища с предложением помириться с ними, если они согласятся перевести революционный гимн на еврейский язык и петь его (там же, стр. 264). Из этого известия видно, что виленские гимназисты старались завлечь в круговорот восстания воспитанников раввинского училища, но усилия их оставались тщетными. У того же г. Райковского мы находим превосходную, основанную на фактах, характеристику роли евреев в революционной драме, разыгравшейся на западной окраине в 1861—63 годах, которую и приводим здесь целиком.

«Евреи, во множестве населяющие западные губернии, чуждые происходящей там национальной борьбы, были по словам одних на стороне законного правительства, по убеждениям других — на стороне поляков. И то и другое показание подтверждается несомненными фактами. Не имея вовсе намерения явиться бардом русского патриотизма в среде евреев, не могу однако согласиться с теми, кто безусловно отрицает в еврейском населении западных губерний чувство преданности России. Чувство это, конечно, редко высказывалось так рельефно, как например в известной проповеди поневежского раввина Пумпянского, который во время полного разгара демонстраций, в августе 1861 г., решился произнести в синагоге поучение в русско-патриотическом духе; оно даже искусственно заглушалось целой системой обособления евреев от прочего населения, обязательным введением немецкого языка в школу, полицейским вмешательством в дела религиозные, кагалом и массой других соответственных этому установлений. При всем этом однако, западнорусские евреи, не смотря на кажущееся равнодушие к борьбе и готовность служить ради денег той и другой стороне в сущности были на русской стороне; но видя, что мы сами простодушно даем польщизне против себя оружие и не думаем даже скрыть от нее то, что следует держать в тайне, не решались заявлять своих чувств публично, высказали их лишь в то время, когда мы отнеслись к польскому вопросу серьезно, в 1863 и 64 годах. (Западнорусских евреев по чувству к России в период демонстраций не следует смешивать с евреями польскими, которые в большинстве были вовлечены поляками в агитацию. Польские евреи, и чрез раввинов, и воззваниями, настойчиво и даже с угрозами требовали от западнорусских содействия мятежу, но всегда встречали упорный отказ). Поляки очень хорошо понимали нерасположение и недоверие к ним евреев западного края и с неудовольствием видели, что еврей, вежливо устранившись от пана, держится ближе к крестьянину и пользуется несравненно большим доверием последнего,

чем польская шляхта. Не даром же стали паны составлять тайные общества с целью вырвать торговлю из еврейских рук и передать ее в исключительно польские руки, или распускать по краю, рядом с патриотическими воззваниями к «Полякам моисеева закона» слухи, о необходимости перерезать евреев. Эти слухи, в двухлетний период демонстраций, распространялись по краю семь или восемь раз и ходили особенно сильно по гродненской и ковенской губерниям; евреи понимали смысл такой политики, знали откуда идут угрозы и не затруднялись предугадать свою будущность, если бы западный край, паче чаяния, действительно подпал власти польского правительства. Не решаясь на открытое сопротивление польщизне, евреи западного края упорно уклонялись не только от всякой роли в демонстрациях, но и от всякой солидарности с панями. Много можно насчитать случаев когда поляки требовали их участия, когда агитаторы западных губерний считали сбыточным такое же искусственное сближение между евреями и поляками, какое совершилось, вслед за февральскими событиями в Варшаве — и потому пробовали любезничать с евреями; но требования эти были круто отклоняемы, и смысл любезностей понят. Так в августе 1861 г., во время шумной политическо-религиозной процессии, агитаторы требовали, чтобы раввин и местные евреи местечка Корицына (гродненской губернии) вышли на встречу с заповедями; никто и не подумал исполнять их желания. Сестра шавельского предводителя дворянства, помещица В., призвала к себе тамошних купцов евреев и убедительно уговаривала их присоединиться к полякам и способствовать им отложиться от России. Когда это не подействовало, патриотка вместе с замужней дочерью, и в сопровождении одного местного пана К. стала обходить лавки и дома зажиточных евреев, склоняя их проникнуться польскими чувствами, молиться о поляках и проч. Злополучная патриотка не получила однако согласия ни от одного еврея: ей откровенно отвечали, что будут держаться на стороне законной власти. Благодаря евреям, наши местные власти имели от времени до времени сведения о намерениях и действиях поляков; но этим едва ли и не ограничивались нравственные выгоды извлеченные нами из нейтрального, по видимому, положения во время происходивших в крае волнений. Местная администрация знала настроения евреев и всегда с похвалой отзывалась о их политической благонадежности» (Райковский, кн. 2; стр. 610—612).

Не трудно объяснить себе причину такого упорного отвращения западнорусских евреев к польской справе. Поляки, как можно видеть из многих указанных в этой и предыдущей статье фактов, щедро расточали евреям льстивые слова и обещания, чтобы завлечь их в революцию, но когда доходило до дела, они давали им знать, что «еще не сгинела польска» и что не смотря на великодушные порывы и либеральные планы, они еще не освоились с мыслью видеть в евреях равного себе человека и гражданина. Так мы

видели, что мятежниками несколько раз были пущены слухи о необходимости порезать всех евреев. Мы видели также, что не только уличная чернь, но даже губернатор Круковецкий отчасти приводил в исполнение этот зверский план. Другой коновод повстанцев — пан Матусевич снискал себе громкую известность между инсургентами не столько своими военными талантами, сколько неслыханными жестокостями, совершенными им над евреями и военнопленными, он сдирал с них кожу, сажал на кол и т. п. (Смит, т. 2, стр. 400).

Мы видели также (в отзыве г. Райковского), что поляки, заманивая и задабривая евреев, в тоже время составляли планы отнять у них экономическое значение в западной окраине. На этот замечательный факт указывает и г. Ратч. В то время, говорит он, как в речах и прокламациях евреям так искусительно расписывали, что они «поляки израелева закона» и во вновь создаваемой Польше будут пользоваться полным гражданским равноправием, вожаки белой парии (аристократической) старались устранять евреев от высшей торговли заведением особых компаний для отправки за границу произведений края и привоза других товаров (т. I, стр. 192). Евреи скоро поняли эту стратегику и охладели совершенно к польской справе (там же, стр. 154).

Но этого мало. Не только большинство мятежников не могло серьезно смотреть как на своего собрата на жида старого покроя, на старо-законного; оно не могло равнодушно видеть, а тем менее уважать жида вполне ополяченного, принявшего католицизм и политические убеждения Польши. Это видно например из следующего характеристического случая. Выкрест из евреев — Клячко был в последнее восстание, и еще до того, одним из самых даровитых и горячих деятелей польской эмиграции. Он пользовался высоким доверием князя Адама Чарторыйского до того, что тот поручил ему заведование дипломатическим департаментом своей администрации. Несмотря на все это, паны не могли простить ему неизгладимого пятна низкого происхождения. «Кровные паны весьма обижаются принятыми им горячо патриотическими шляхетскими ухватками. Клячко стыдился того, что он жид. Поэт Адам Мицкевич, затронутый за живое его выходками, перебил его однажды среди выпренных разглагольствований вопросом: «не знаете ли вы, сколько раввинских училищ в Польше?» и прибавил, что ему приличнее было бы проповедовать полонизм евреям, чем выставлять себя адвокатом шляхетских притязаний». (Польская эмиграция, стр. 282). Вот как поляки до мозга костей проникнуты шляхетской спесью и национально сословными предрассудками.

Мудрено ли, что евреи скоро раскусили в чем дело и отклонили от себя участие в повстанциях? Здесь кстати будет привести сообщаемые г. Кельсиевым рассуждения двух евреев об истинном характере их отношений к полякам и польской справе.

Один из них говорил г. Кельсиеву, что если он и принимал участие в мятеже, доставляя полякам необходимые припасы и амуницию, то единственно потому, что он был самым тесным образом запутан в хозяйственные и другие дела панов, в руках которых находилось все его состояние и что, при таком положении дел, он не мог не принять участия в повстании. В душе же, будучи убежден в полной несостоятельности польских утопий, он питает далеко не дружелюбные чувства к делу, которое его разорило и заставило эмигрировать. Другой еврей, слушая рассуждения г. Кельсиева на счет сочувствия евреев к польской справе и возможности улучшения быта их при польском правительстве, говорит следующее: «при русском правительстве с меня взятки берут; за то голова моя цела и головы жены и детей моих целы». При поляках не то. У поляков первое дело жид, а жида нужно повесить и побить жида нужно. Когда они 30 лет назад (т. е. в 1830 г.) бунтовали, мало ли они в виленской губернии жидов перевешали, и за что вешали? Сами не знают (это, как мы видели, исторический факт). Если же евреи и бунтовали в Варшаве, то только для виду, потому что должны были слушаться панов и плясать по их дудке (Галичина и Молдавия, стр. 214 — 218). Нам кажется, что лучшей иллюстрации польско-еврейского дела, тем более заслуживающей доверия, что она передана человеком, крайне враждебным евреям, не мог бы представить самый ярый защитник политической благонадежности евреев с русской точки зрения.

III.

Мы проследили в кратких чертах историю отношений полонизм к евреям в период самостоятельной государственной жизни польского народа и затем в период революционных попыток к восстановлению утраченной независимости. Мы видели, что отношения эти никогда не переставали быть проникнутыми систематическим эгоизмом, стремлением извлечь из презираемого и ненавистного, но необходимого племени как можно больше пользы для своих личных, сословных и национальных интересов, не допуская их ни под каким видом до равноправного участия в этих интересах, как людей и граждан. Насквозь пропитанные духом иезуитизма и его основным учением о неразборчивости в средствах для достижения цели, поляки могли на столько совладать с своей спесью, чтоб унизиться до лести жидам, которые так или иначе пригодились бы польской справе. Но, как мы видели, они не только думали об удалении евреев от промышленной деятельности страны и даже об истреблении массы еврейского населения в западнорусском крае, как оказавшейся враждебной польскому делу, но даже не могли проникнуться уважением или сочувствием к тем личностям еврейского происхождения, которые искренно и горячо приняли к сердцу религиозные и политические убеждения

полонизма. Из приведенных нами слов, сказанных Мицкевичем, бесспорно одним из замечательнейших деятелей великого будования, Клячку, видно до какой степени лучшие из польских патриотов не могли отрешиться от привычки видеть в еврее слепое орудие к достижению своих целей, а не свободную и равную себе личность. Совершенно таким же характером отличается другая сторона отношений польщизны к евреям, менее известная, но чрезвычайно важная для нас по практическим своим результатам. Я говорю о влиянии полонизма на русское законодательство относительно евреев.

С самого присоединения Царства Польского к России поляки усердно интриговали у русского правительства, не допуская издания и осуществления законов противных интересам польской sprawy. Между прочим они зорко следили за законодательным ходом еврейского вопроса, парализуя благие начинания правительства по этому предмету и препятствуя разрешению его в смысле неблагоприятном для польских интересов. С особенным успехом подвизался на этом поприще знаменитый князь Адам Чарторыйский, который при императоре Александре I долгое время пользовался огромным влиянием на государственные дела и злоупотреблял этим влиянием для достижения своих замыслов. Чарторыйский, говорит г. Ратч, старался всеми силами, чтобы законы, противные интересам польской sprawy, не были исполняемы. Для этого он обращался к великодушию Александра, и когда подобный закон, не смотря на его усилия, был издаваем, он старался усилиями туземцев усложнять дела и представить непреодолимые будто бы препятствия к исполнению нового закона, так чтоб он был отложен «впредь до веления». Сюда относятся между прочим, правительственные распоряжения о евреях. Со времен Речи Посполитой евреи были спутниками панского владычества и служили помещикам необходимым орудием для извлечения доходов из своих имений. Вследствие этого мысль Екатерины об устранении этого зла и обращении этого способного народа в полезных и истинных русских граждан, обработанная и утвержденная при Александре I, не дошла до исполнения стараниями Чарторыйского (Ратч, т. I, стр. 53). Это объясняется тем, что Чарторыйский хорошо понимал значение евреев в польской среде для борьбы с Россией. Поэтому, постоянный, могучий защитник их (т. е. защитник их *statu quo*, как выгодного для польского дела), он и в эмиграции, в речах своих, не забывал никогда евреев, посвящал им одобрительные слова и внушал своим сторонникам убедить их, что «Польша им доставит более ограждений, более свободы и более выгод для их благосостояния». В предсмертной своей речи, 1861 г., он излился в благодарственных похвалах евреям за их сочувствие к польской справе (Ратч, I, 144).

Чтобы объяснить смысл слов г. Ратча, что Чарторыйский воспрепятствовал осуществлению коренной реформы в быту евреев, задуманной еще при Екатерине, а

потом при Александре Павловиче, обратимся к истории Положения о евреях 1804 г. Положение это есть первый законодательный памятник, подробно и точно определивший права и обязанности евреев, как русских подданных. Оно легло в основание всего последующего русского законодательства о евреях; чрезвычайно интересно поэтому проследить историю его возникновения и исполнения. Вот что рассказывает об этом предмете Державин, бывший тогда министром юстиции и членом еврейского комитета.

Еще при императоре Павле Державин был послан в Белоруссию для исследования разных местных вопросов, между прочим и вопроса об отношении евреев к коренному населению западных губерний. По этому поводу он составил подробную записку о еврейском деле, которую представил на усмотрение высшего правительства. К сожалению Державин не говорит, в чем именно заключались соображения его записки и меры, ею предлагаемые, для превращения евреев в более полезных граждан; видно только из его рассказа, что там предлагалось, между прочим, ограничить свободу торговли питьями евреев, а также «вывести их из Польши в другие губернии». При императоре Александре был учрежден Еврейский Комитет, членами которого были назначены: князь Чарторыйский, граф Северин Потоцкий, Державин и граф В. Зубов; этому комитету поручено было императором рассмотреть записку Державина о евреях, равно как и другую его записку о переселении мелкой шляхты из западных губерний в другие (обе эти записки, по словам Державина, были им доложены государю и он остался очень доволен ими).

Вследствие разных происков и интриг Еврейский Комитет откладывал свое дело пока Державин был в числе членов и новый закон составлен тогда только, когда Державин оставил министерство и место его в Комитете занял князь Лопухин. Записка же Державина, в особенности предложение его о переселении евреев и шляхты в русские губернии, оставлены были без движения Еврейским Комитетом, по той причине, что «члены Комитета большею частью из польских вельмож, как-то: Чарторыйский, Потоцкий, а Лопухин и Зубов имели в Польше большие маенности и местечки, населенные шляхтой и жидами, и была бы знатная потеря их доходам, если б жидов и шляхту вывести из Польши в другие губернии, как-то предлагал Державин». Таким образом «частная польза помянутых вельмож перемогла государственную; евреи остались в прежнем беспорядке, а о шляхте и думать не хотели». Державин рассказывает далее, что когда в его отсутствие принесены были в Еврейский Комитет его записки о шляхте и о евреях, то Чарторыйский первую бросил в камин, а вторую отдал для переделки Сперанскому, который был вполне предан евреям чрез посредство откупщика Переца. Евреи тоже, по словам Державина, интриговали и действовали подкупам, чтобы

предупредить реформы (Записки Державина, 1743—1812, Москва 1860 г., стр. 474 и след.).

Но если по словам Державина, не проникшего так глубоко в козни польской партии, на характер Положения 1804 г. имели главное влияние личные интересы его составителей, то судя по тому, что стало известным в настоящее время о деятельности Чарторыйского и вообще польской магнатории при Александре Павловиче, нельзя сомневаться в справедливости отзыва г. Ратча, что Чарторыйский в своем сопротивлении мерам русского правительства к обрусению и эмансипации евреев, руководствовался главным образом не столько личными, сколько национально-польскими политическими видами. Это внешняя история положения 1804 г. вполне подтверждается самим содержанием этого закона. Положение это, при сколько-нибудь внимательном рассмотрении, очень недвусмысленно дает знать свое происхождение и свою цель.

Самым замечательным в этом отношении фактом является роль русского языка, сравнительно с польским и немецким, в еврейской среде по закону 1804 г. Польские магнаты хорошо понимали значение языка в политическом воспитании народа; они ясно видели, что распространение русского языка между евреями может в короткое время сделать из них довольно надежный оплот русского дела в западной окраине. Но с другой стороны лишить *de jure* русский язык всякого права гражданства у евреев они не могли, в виду твердо сознанной еще Екатериной Великой и унаследовавшим ее политику Александром I необходимости обрусения польских областей. Таким образом в Положении 1804 года явился компромисс между польской и русской политикой относительно господствующего языка для евреев: русский язык уравнен в правах гражданства с польским и немецким. Так, по положению 1804 г., евреи могут устроить на свой счет особые школы, с тем, чтобы в числе предметов обучения был один из трех языков — русский, польский или немецкий. Евреи, которые обучаются в гимназиях, должны носить немецкое или польское платье. Купеческие книги, равно как и всякие юридические акты, евреи должны вести тоже на одном из этих трех языков. Для того чтоб еврей мог быть выбран в члены магистрата ему необходимо знать один из этих трех языков. Такое же условие постановлено для способности быть раввином или кагальным.

Такое уравнивание самим законом Положения русского языка с немецким и польским, при фактическом господстве двух последних элементов в западной окраине, в сущности было равносильно совершенному остракизму русского языка из еврейской среды.

В самом деле, с какой стати еврей стал бы вести торговые книги на русском языке, когда он имел дела почти исключительно с населением, употреблявшим польский и немецкий языки, и сам закон дал ему право вести книги на этих языках?

Зачем стал бы он составлять акты на русском языке для присутственных мест, в которых преобладал язык польский, когда притом закон этого не требовал непременно? Для чего стал бы он учить своих детей русскому языку, когда закон предоставил ему выбор между тремя языками, из которых русский был в совершенном загоне, а знание остальных двух было необходимо ему на каждом шагу?

Польский характер Положения 1804 г. сказывается и на всех остальных его частях. Так, в нем признается круговая порука членов еврейского общества в отправлении государственных повинностей, раскладка повинностей кагалом, а следовательно и неограниченная власть кагала над еврейской массой, принадлежащая к числу самых темных сторон польско-еврейской жизни. Достоинно замечания, что в то время как положение о евреях 1786 г., выросшее на русской почве и потому явно стремившееся к улучшению гражданского быта евреев, положительно заботится о том, чтоб отодвинуть кагал на задний план и подчинить евреев по возможности непосредственному влиянию общих гражданских властей, польское детище — положение 1804 г. восстанавливает власть кагала, этой главной помехи слиянию евреев с коренным населением, почти в том же объеме, как она существовала в Речи Посполитой.

Совершенно в духе польских статутов и сеймовых конституций, положение 1804 г. возлагает надежду в деле исправления евреев главным образом на разные воспрещения, в особенности на запрещение им арендовать хозяйственные статьи и содержать питейные дома в деревнях, так как еврейское влияние на сельское население, оставляя в стороне его значение с точки зрения народного благосостояния, не согласовалось с политическими и экономическими видами панов. И опять-таки совершенно в духе польской жизни запрещение это и после 1804 г. так же не приводилось в исполнение, по несоответствию с общим положением страны, как и прежде при польских сеймах.

Положение 1804 г. еще в одном отношении представляет шаг назад в сравнении с положением 1786 г. Последнее говорит о евреях, как членах магистратов, ратуш и градских дум. Закон 1804 г. упоминает только о евреях — членах магистрата (Леонтович, Сион, № 27). В этом обстоятельстве опять виден поворот именно к польским началам: известно, что польское законодательство безусловно устраняло евреев от занятия всяких должностей вне еврейской общественной жизни. Что составители положения 1804 г. имели в виду главным образом местные интересы, видно напр. из следующего факта. Евреям дозволяется приписаться в цехи, если это не противно привилегиям, присвоенным некоторым городам (еще при польском правительстве).

О переселении евреев в русские губернии, предложенном Державиным в этом положении нет и помину. Правда, в положении 1804 г. есть некоторые положительные и

разумные меры к переустройству быта евреев: здесь говорится о поощрении землевладельческого, фабричного и ремесленного труда между евреями. Но достойно замечания, что правительство всегда поддерживало еврейское земледелие только на юге России, а не на западной окраине. Мы не имеем теперь точных сведений относительно причин этого явления, но судя по опыту последних лет и тому, что сделалось известным о деятельности польской партии у нас до последнего времени, можно с большой вероятностью предполагать, что здесь главную роль играли происки магнатерии, которая основательно видела в еврейском землевладении опасного врага своих замыслов. Постановления же закона 1804 г. о вспомоществовании фабричному и ремесленному труду евреев, наиболее целесообразные из всех мер этого положения, потому что наиболее приуроченные к действительному быту евреев, остались без исполнения, как несогласные с интересами великого будования, которому нужны были евреи — факторы, контрабандисты, шпионы и вообще панские фактотумы, а не самостоятельные и по всей вероятности враждебные их затеям евреи — фабриканты.

Вообще «положение 1804 г. было исполнено только отчасти, и быт евреев, столько же вредный для государства, сколько для них самих, мало улучшился» (Богданович, История царствования императора Александра I, т. I, стр. 109).

Мы не можем, конечно, входить здесь в такое же подробное рассмотрение влияния польских идей и тенденций на последующую деятельность русского правительства относительно евреев, так как в этом случае пришлось бы написать здесь полную историю русских евреев в XIX столетии; притом же материалы для подобного исследования очень немногочисленны и мало доступны. Но и те подробности, которые сообщены нами относительно истории и характера положения 1804 г., могут убедить читателя в правильности слов г. Райковского, когда он утверждает, что «чувство преданности евреев к России искусственно заглушалось целой системой обособления евреев от прочего населения, обязательным введением немецкого языка в школу, полицейским вмешательством в дела религиозного характера, кагалом и массой других соответственных этим установлений».

Даже в настоящее время, когда истинный характер польской sprawy достаточно разоблачен как самими событиями, так и русской печатью, поляки не перестают еще напускать туман на настоящее положение еврейского, как и многих других вопросов, в чем к сожалению нередко имеют и теперь успех, и из заблуждений и промахов русских извлекают выгоды для своего дела. Так, говоря о слухах, которые распускали повстанцы о необходимости вырезать западнорусских евреев для обеспечения успеха польской справе, г. Райковский справедливо замечает: «не той ли же политики держится и теперь польская

партия, которая с тех пор, как повелась речь об обрусении западного края стала запугивать русское общество мнимыми опасностями оевреения западных губерний? Цель понятна: вместо того, чтоб нарисовать удар, выгоднее убедить нас направить его против преданного нам населения. Евреи, впрочем, логически возражают на это, что если бы русский элемент в западном крае был обречен на вечный загон, то по численности, по доверию в среде местного населения, количеству капиталов и наконец по политической благонадежности, они имеют гораздо больше права на преобладание в крае, чем поляки, и что ни одному еврею не придет в голову навязывать русскому населению свою веру» («Русский Вестник» 1869 г., кн. 2, стр. 613). Эти мысли и наблюдения, в связи с данными, представленными в предыдущих статьях, дают нам, кажется, довольно надежную точку исхода для ответа на заданные в начале этого очерка вопросы. Мы можем поэтому в следующей статье приступить к общим соображениям о том, каково действительное значение евреев западных губерний в деле обрусения и какова должна быть русская политика по отношению к ним.

IV.

Первый вывод, к которому приводят нас сгруппированные в прежних статьях факты, состоит в следующем. Польша независимая не могла внушить и действительно не внушила жившим в ее владениях евреям искренней привязанности к польскому режиму и польским порядкам. Поэтому, когда Пруссия и Австрия энергически принялись за распоряжение отошедших к ним польских провинций и реорганизацию их общественного строя, евреи очень охотно перешли в немецкий лагерь, не смотря на то, что германизация не пощадила их экономических интересов, с одной стороны вызвав к жизни опасную для евреев конкуренцию немецкого купечества и мещанства, а с другой — заставив самих евреев променять легкий промысел барышничества и панского нахлебничества на более солидные и трудные занятия. Правда, часть евреев не отказывалась от услужения затеям панов-революционеров, но при этом они платили им их собственной монетой. Как поляки видели в жидах живое орудие для достижения своих целей¹, так жида, исполняя польские поручения, относились к ним также без малейшего сочувствия, видя в революционных замыслах панов тоже лишь средство к достижению своей цели — наживы.

По убеждениям же и добровольному образу действий они были всегда на стороне правительства. Правда, евреи редко когда решались дать открытый, мужественный отпор

¹ Так, в 1861 г. между польскими помещиками носились слухи об учреждении в северо-западном крае обширного торгово-комиссионерского дома, при чем выставлялось на вид, что масса евреев, потеряв чрез это источники пропитания, поневоле обратится в покорных слуг польской партии (Райковский, Р. Вестн. 1869 г., кн. 10, 543).

проискам великого будования; но это вполне объясняется зависимым положением евреев в старое время, как в социальном, так и в экономическом отношении. Благодаря этой зависимости, равно как отучению евреев от военных действий¹, польские евреи не могли считать себя самостоятельным политическим элементом и льнули к той стороне, на которой была действительная сила. Если в Австрии часть евреев и увлекалась некоторое время польскими тенденциями, то только потому, что так господствовал польский элемент, благодаря слабости правительственной власти и государственного организма, разьедаемого национальной разрозненностью и враждебностью различных элементов населения. Что здесь виною была действительно только одна слабость правительства и податливость его полонизму, это подтверждается примером Пруссии, где, благодаря твердости правительства в преследовании раз принятой системы, мы не замечаем и колебания евреев в сторону полонизма.

В России евреи отнеслись к польщизне точно таким же образом, как и в германских государствах и при одинаковости болезни социального организма Речи Посполитой, как в русской, так и в германских ее частях, ясно, что и лечение должно быть одно и то же, так как одинаковые причины везде порождают одинаковые последствия. И в русско-польских провинциях евреи, не имея под ногами почвы, ни в экономическом отношении, будучи всецело в руках полякующей шляхты, ни в государственно-общественном, где они также безусловно зависели от шляхетской администрации, — не могли открытой силой выступить против повстания, не могли даже отказывать ему иногда в помощи, понуждаемые к тому истязаниями, вымогательствами и голодом. Но где правительство заявило себя достаточно сильным и постоянным относительно полонизма, там евреи не стеснялись обнаружить истинные свои чувства к происходившей на глазах их борьбе, и везде, где чувства эти проявлялись непринужденно, симпатии евреев были на стороне России, особенно в западнорусском крае. При таком положении дел, если притом принять в соображение опыт Пруссии и Австрии, которым мы можем прямо позаимствоваться, казалось бы, не должно быть места сомнению насчет политики России по еврейскому вопросу на западной окраине. Направление этой политики очень ясно очерчивается теми словами, которыми один германский публицист характеризует образ действий Австрии и Пруссии в польских провинциях: «поддерживать разумную равноправность, по которой личный труд и способности ведут каждого к упрочению своего благосостояния и не допускать привилегированных классов общества к насильственному преобладанию над другими, более слабыми сословиями». Если и представляется некоторое различие между

¹ Впрочем, неспособность евреев (польских) к военным действиям вовсе не так безусловна, как обыкновенно полагают. Так А. П. Ермолов рассказывал, что еврейский батальон дрался с редким мужеством в 1794 г., отстаивая собственные жилища против Суворова, при штурме Праги (Ратч, I, 174).

отношениями России с одной стороны, а германских государств с другой, к живущим в польских и ополяченных провинциях евреям, то различие это заключается в следующих двух явлениях. Во-первых, в западнорусском и привислянском краях еврейский элемент более многочислен и хотя так же слаб и нуждается в поддержке правительства в социально-юридическом отношении, но за то более силен в экономическом отношении, вследствие того, что здесь сохранились в более чистом виде старинные польские порядки, давшие возможность промышленному еврейскому классу приобрести *de facto* то значение, которое не признавалось за ними законом и общественным мнением; тогда как в Познани и Галиции, издавна подвергавшихся влиянию близкой германской культуры, евреи не могли уже играть такой значительной роли. Во-вторых, и сам полонизм в Галиции и Познани не в такой степени силен, как у нас, и правительствам Пруссии и Австрии, благодаря большей стройности и прочности администрации и большей крепости германского элемента вообще и национального его самосознания в особенности, борьба с полонизмом была гораздо легче, чем у нас. И не смотря на то, они не брезгали в этой неравной борьбе, где все шансы успеха были на их стороне, и таким союзником, как евреи. Далеко не то у нас, где полонизм держится гораздо крепче, вследствие количественного и качественного перевеса, где администрация не может похвалиться таким постоянством как германская, а национальное самосознание очень мало развито (как это ясно видно из хода дела о землевладении в западном крае).

Таким образом, если и замечается различие между отношениями России, Пруссии и Австрии к полонизму и еврейству, то оно сводится к тому, что Россия, во-первых, может большего ожидать от участия евреев в обрусении западного края, чем Пруссия и Австрия в ополячении Познани и Галиции, и во-вторых, что Россия более нуждается в этой помощи еврейского элемента, чем последние два государства.

В сущности же государственная деятельность по этому предмету должна быть направлена к тому же, к чему стремились Пруссия и Австрия, а именно: к уничтожению всех исключительных польских законов о евреях, деятельному поощрению всех попыток со стороны их к усвоению себе образования в русском духе, дарованию им права свободного перехода в другие части государства, эмансипации евреев из под экономического гнета шляхетства и приучению их к таким промыслам и занятиям, которые дали бы им возможность жить самостоятельно и независимо от панских прихотей, дабы они могли в случае надобности открыто действовать по своему убеждению, не будучи вынуждаемы, как это было до сих пор, насилиями, к участию в антигосударственных происках и затеях меньшинства населения. В действительности же, к сожалению, мы видим совсем не то. Не только в прежнее время, но и теперь полякам

нередко удается вводить в заблуждение русских насчет настоящей точки зрения на еврейский вопрос, причем главным средством служит указание на опасность оевреения западной окраины. Что такой опасности вовсе нет в действительности, в этом убеждает нас, кроме многих других фактов, пример Новороссийского края, где, не смотря на более льготное положение евреев, не только не замечается ничего похожего на оевреение края, но напротив, обрусение их идет изумительно быстро. Само собою разумеется, что мы вовсе не отрицаем необходимости для России позаботиться образованием в западной части многочисленного русского населения, особенно городского, без чего трудно ожидать прочного органического объединения этой страны с русским государственным телом. Но об этом можно будет подумать только тогда, когда еврейскому населению западной полосы Империи дадут возможность разредеть посредством дозволения и даже поощрения перехода его в другие части России. Что подобная реформа, необходимая сама по себе, не только не противоречит, но даже согласна с началами русской политики, можно видеть например из следующего очень любопытного, но мало известного рассказа Екатерины Великой. На пятый или шестой день по восшествии своем на престол, Екатерина II прибыла в сенат...

Случилось, что в это заседание пришла очередь обсуживать дело о допущении евреев в Россию. Все единогласно признали полезным это допущение; но Екатерина, по тогдашним обстоятельствам затруднялась изъявить свое согласие. Ей помог сенатор князь Одоевский; он встал и сказал: «прежде чем решиться, не угодно ли будет вашему величеству посмотреть собственноручное решение, которое в подобном случае дала императрица Елизавета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елизавета на полях дела, по своему благочестию, написала: «От врагов христовых не желаю интересной прибыли». Надо заметить, что еще не прошло недели со вступления на престол Екатерины; она возведена была на оный для обороны православного закона; ей приходилось иметь дело с народом благочестивым, с духовенством, которому еще не возвращены были его имения и которое, вследствие этой дурно приноровленной меры, не знало чем ему пробавляться. Умы, как всегда случается после переворота, столь великого, находились в сильном волнении. Начать свое царствование допущением евреев вовсе не было средством к успокоению умов, объявить оное вредным — было тоже невозможно. Екатерина поступила просто: когда, генерал-прокурор собрал голоса и подходил к ней за ее решением, она сказала ему: «я желаю, чтоб дело это было отложено до другого времени». «Так то нередко случается, прибавляет великая императрица, что недостаточно

быть просвещенну, иметь наилучшие намерения и даже власть исполнять их. И тем не менее умное поведение часто подвергается безрассудным толкам¹».

Повторяем, казалось, не должно бы быть места сомнению относительно политического значения евреев на западной окраине и истинного направления русской политики по этому предмету, а между тем на деле выходит далеко не то. Но только практика последних лет представляет уклонения от программы «разумной равноправности, поддержки личной энергии, уничтожения сословных и национальных привилегий», но даже в литературе большею частью приходят у нас к результатам, прямо противоположным тем, которые дают беспристрастно рассматриваемые факты истории владений Речи Посполитой. Так напр. г. Ратч, собравший столько данных, бросающих истинный свет на разбираемый нами предмет, смотрит однакож на эти данные сквозь густо-окрашенную предрассудками призму и потому ставить такие положения, которые решительно противоречат несомненным, им самим указываемым фактам. Немцы, говорит он, доказали, что развитые евреи не считают родину за отечество, что в Германии они только онемечились, но не огерманились (различие для нас непонятное). Одна утопия может предполагать, чтобы благо русского народа стало руководить стремлениями образованных евреев, а не чужедные домогательства их единоплеменников. (Ратч, т. I, стр. 154). Мы не знаем, какие немцы и чем именно доказали нелепый тезис г. Ратча, но знаем то, что он опровергается всей историей иудаизма в Германии за последнее время. Мы не говорим уже о том, что из среды евреев вышли многие из наиболее популярных личностей нашего века в Германии, истинно народные деятели по всевозможным отраслям общественной жизни (Гейне, Берне и Б. Ауэрбах — писатели; Лассаль, стоявший во главе социально-демократического движения по рабочему вопросу, депутаты Ласкер и Кош, принадлежащие к числу самых энергических членов национально-демократической партии в Германии); одно то обстоятельство, что евреи, в последнюю прусско-австрийскую войну и задолго до нее, фактически доказали свой патриотизм там, где он подвергается наиболее тяжелому испытанию — на поле битвы, — одно это доказывает всю ложность того, что г. Ратч приводит как доказанный факт.

Так же нелогично рассуждает об этом предмете г. Кельсиев. «Патриотизм евреев, говорит он, дело более чем сомнительное. Нам кажется просто, что его вовсе нет; кланяются они тому, у кого сила в руках и если они что-нибудь уважают, то это силу. Покуда в западном крае и Царстве Польском сила в наших руках, до тех пор они наши; приди туда французы, поляки, китайцы — они, не задумываясь, принесут им присягу в верноподданстве, а что самое грустное — это то, что по духу своей цивилизации они, если

¹ Рассказ Екатерины II о своем царствовании (Русский архив 1865 г., стр. 492).

к кому-нибудь льнут, то это к немцам... Если есть у нас в западном крае какие-нибудь пионеры германизации, то, само собою разумеется, это евреи ¹».

Незрелость и поверхностность, столь свойственные г. Кельсиеву, ярко бросаются в глаза в этом его суждении. В самом деле, если и допустить, что никакой преданности со стороны евреев к России нет (что опровергается, как мы видели, фактами), то легко усмотреть, что между смыслом этого факта и тем, что сообщается тут же о сочувствии евреев к немецкой цивилизации — есть внутреннее противоречие. Одно из двух: или евреи заботятся только о своих личных материальных выгодах, ничего другого знать не хотят — и в таком случае нельзя допустить в них усвоения немецкой образованности, так как это не может дать им никаких материальных благ в России; или же евреи способны интересоваться и чем-нибудь другим, кроме физических выгод, и потому льнут к немецкой культуре, что действительно справедливо, — и в таком случае очевидно, что они могут сделаться горячими партизанами и русской гражданственности, если она привлечет к себе их симпатии. А что это последнее очень возможно при известных условиях, в этом не может быть никакого сомнения. Кстати о немцах и отношениях к ним евреев. Г. Кельсиев уверяет, что евреи служат у нас пионерами германизма; можно полагать даже, что по его мнению это иначе и быть не может? Но это совершенно неверно. Уже в начале этого очерка было замечено вскользь, что с самого начала появления своего во владениях Польши евреи стали в резкий антагонизм к немецким городским общинам и таким образом постоянно не только не служили опорой, но противовесом влиянию немецкого элемента. «Против евреев, говорит Грец в своей «Истории евреев», по смерти Казимира IV, подняли оружие два противника: духовенство и немецкое купечество, которое ненавидело из зависти еврейских купцов и ремесленников. Но сильнейшую опору имели евреи в дворянстве, ненавидевшем немецких горожан из национальной и политической антипатии и поэтому благоприятствовавшим евреям из собственной пользы и как орудию против жадных немцев ²». Это историческая миссия евреев — образовать туземное промышленное сословие, как оплот против господства немцев и немецкой культуры, в настоящее время имеет еще более значение, чем в старину. В нашей периодической печати очень часто появляются жалобы на постоянное усилие немецкого элемента на западной окраине. В 1866 г. было помещено в газетах любопытное письмо о немцах на Волыни, по поводу которого было справедливо замечено, «что в наших западных окраинах происходит натиск немецких элементов, которые начинают приводить в исполнение свое вековое

¹ Галиция и Молдавия, стр. 218.

² Грец, *Geschichte der Juden*, IX, 61.

назначение — Drang nach Osten. Не мешает обратить на этот предмет серьезное внимание¹». В привислянском крае, по официальным данным, собранным составителем этнографической карты Царства Польского г. Галкиным, замечается теперь быстрое увеличение немецкого населения, что, в виду умственного превосходства немцев и соседства германской территории, составляет факт весьма тревожного характера. Евреи же, по словам г. Галкина, «вовсе не причиняют такого сильного подрыва народному богатству, как это обыкновенно им приписывается! Вред, причиняемый ими в этом случае, зависит более от ограничения их политических прав, чем от иных причин²».

Наконец в Киевлянине недавно помещены очень неутешительные сведения о немецком элементе в Волынской губернии³.

Имея в виду подобного рода факты, по истине нельзя не удивляться ослеплению наших русификаторов, когда они из кожи лезут, чтобы выхлопотать для евреев одно ограничение за другим, не замечая, что каждый шаг к ослаблению единственного промышленного класса из туземцев неминуемо ведет к усилению иностранных элементов, губельных для края и в экономическом, и в политическом отношении. В самом деле, если и допустить, что евреи составляют зло для западной окраины, чего в таком общем виде однако ж нельзя допустить, то для каждого, «имеющего глаза, чтоб видеть и уши, чтоб слышать», не поддаваясь традиционным предубеждениям, должно быть ясно, что при отсутствии в крае русского промышленного городского населения, для России несравненно выгоднее поддерживать еврейство, которое, при благоприятных условиях, как показывает опыт всех стран и самой России, может и должно слиться с господствующим народом, чем, ослабляя его, дать возможность усилиться иноземцам, которые имеют свои политические тенденции, никогда не забывая, что «у них в Швабии король есть» и по вековой враждебности к славянскому миру, по превосходству своей культуры и многим другим условиям надолго еще не перестанут быть опасными для национального развития России и славянства. Пробным камнем для правильности этих общих соображений в применении к конкретным фактам может служить дело о еврейском землевладении в западном крае. Но по важности этого вопроса мы о нем поговорим отдельно.

¹ Голос 1866 г., № 68.

² Новое Время 1869 г., № 242.

³ Киевлянин 1870 г., № 2.